

РЕЦЕНЗИИ

Mečislav Borák, *České stopy v Gulagu. Z výskumu perzekuce Čechů a občanů ČSR v Sovětském svazu, Slezské zemské muzeum, Opava 2003, 167 с.*

Проблематика репрессий, которым подвергались граждане Чехословакии в Советском Союзе, в течение многих лет не могла быть объектом основательных исторических исследований. Поэтому неудивительно, что за это время вокруг данного вопроса накопилось множество мифов, неясностей и искажений. Некоторые из них сохранились еще и после 1989 г., в частности, в связи с отсутствием монографического исследования. Работа *Чешские следы в ГУЛАГе. Из исследований репрессий чехов и граждан Чешской Республики в Советском Союзе* заполняет этот пробел в чешской историографии и представляет собой наиболее всестороннюю трактовку этой темы.

Систематическое изучение темы советских репрессий началось в Чешской Республике позднее, чем в Польше и других странах Центральной Европы. В девяностые годы чешские историки не воспользовались вполне периодом относительно открытой позиции российских органов в области доступа к архивным источникам. Причины такого положения следует усматривать, в частности, в том, что проблема советских репрессий в Чешской Республике играет - по сравнению с Польшей - менее существенную общественную и политическую роль. В конце девяностых годов эта проблема приобрела, однако, особую актуальность. Тогда появился вопрос выплаты компенсаций или пособий жертвам советских репрессий. В 1993-1994 годах сто восемьдесят чешских граждан подали в российские органы власти заявления о компенсации, которые, однако, были отвергнуты. Украинские персональные компен-

сации, выплаченные чехам, происходящим из Подкарпатской Руси (Закарпатья. - *Прим. ред.*), имели символический характер и были получены небольшим количеством репрессированных.

Лишь к концу 2000 г. появилась новая возможность поддержки систематических исследований. В связи с чешско-российскими переговорами об урегулировании взаимных обязательств был выполнен научный проект *Чехословацкие граждане, населявшие территорию нынешней Чешской Республики, репрессированные в СССР*, осуществленный при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Чешской Республики. Определенное значение имело также внесение на рассмотрение парламента проекта Закона о компенсациях лицам, депортированным в СССР или в лагерь, организованные СССР в других странах, который окончательно был утвержден чешским парламентом в 2002 г.¹ В связи с потенциальной нагрузкой на государственный бюджет существенным для законодательного процесса оказалось предоставление заслуживающих доверия расчетов, опирающихся на тщательные архивные исследования.

В силу отсутствия комплексных исследований источников по данной проблеме, в научном обороте и в публицистике стали появляться цифры, не имеющие под собой реальной опоры. Еще в 2000 г. Центр документирования и исследования коммунистических преступлений (*ÚDV*) представлял в качестве официального положения чрезмерно завышенную оценку фактов, согласно которой через советские лагеря прошли якобы 120 тыс. чехов.

Проект МИДа осуществила группа историков под руководством доц. Мечислава Борака из Силезского института, работающего в рамках Силезского краевого музея в Опаве (*Slezský ústav SZM*). Рассматриваемая работа является результатом этих исследований. В несколько модифицированной версии она появилась также в коллективном сборнике *Репрессирование в СССР граждан, населявших нынешнюю территорию Чешской Республики*, изданном под эгидой Института новейшей истории Академии наук Чешской Республики². Следует подчеркнуть,

---

¹ *Zákon ze dne 9. dubna 2002 o odškodnění osob odvečených do SSSR nebo do táborů, které SSSR zřídil v jiných státech*, č. 172/2002 Sb.

² M. Borák, *Českoslovenští občané z území dnešní České republiky perzekvoováni v SSSR* // M. Borák a kol., *Perzekuce občanů z území dnešní České republiky v SSSR. Sborník studií*, Praha 2003, s. 7–152.

что исходной точкой этого исследования послужили более ранние проекты, осуществленные автором, которые касаются советских репрессий. Среди них видное место занимает тщательное изучение темы жертв Катынской трагедии, происходящих из западной части Тешинской Силезии (в Польше называемой Заользем)³. Как отмечает М. Борах, полезным в отношении методики осуществления проекта оказался опыт польских экспертов, накопившийся во время реализации сходного научного проекта Министерства юстиции Польской Республики⁴. Чешский проект, по аналогии с польским, решался комплексным образом и охватывал советские репрессии начиная с конца I мировой войны, учитывая при этом в равной степени всех чехов, вне зависимости от гражданства, а также всех чехословацких граждан безотносительно к их национальности. В трех главах, имеющих вводный характер, автор представляет цель, предмет и методы исследования, подробно рассматривает источники и специальную литературу, а также дает общую характеристику форм, объема и хронологии применяемых в СССР репрессий.

Архивные поиски в Российской Федерации, проводившиеся в основном осенью 2001 г., приняли более скромные размеры по сравнению с исследованием польских историков, и, тем не менее, они распространились на важнейшие центральные архивные фонды, такие, как Центральный государственный архив РФ (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Российский государственный военный архив (РГВА), а также базы данных общества «Мемориал», Музея и общественного центра им. А. Д. Сахарова в Москве и Мемориального музея немецких антифашистов в Красногорске. Следует отметить, что архивному поиску в России предшествовало изучение копий материалов из российских архивов, хранящихся в

³ См., напр.: М. Borák, *Symbol Katynia. Zaolziańskie ofiary obozów i więzień w ZSRR, Czeski Cieszyń* 1991; *idem, Vraždy v Katyňském lese, Ostrava* 1991; *idem, Zaolziańskie ofiary Katynia // „Łambinowicki Rocznik Muzealny“*, 1992, nr 15, s. 20–27; *idem, Dlaczego kłamał Franciszek Hajek? // „Biuletyn Katyński“*, 1997, nr 42, s. 55–69; *idem, Zločin v Katyni a jeho české a slovenské souvislosti // M. Šesták, E. Voráček (eds.) Evropa mezi Německem a Ruskem. Sborník prací k sedmdesátinám Jaroslava Valenty, Praha* 2000, s. 505–522; *idem, Największa zbrodnia w historii Zaolzia. Podróż do Miednoje // „Kalendarz Śląski“*, 2001, nr 37, s. 106–111.

⁴ См.: S. Ciesielski, W. Materski, A. Paczkowski, *Represje sowieckie wobec Polaków i obywateli polskich*, Warszawa 2000.

Центральном военном музее в Варшаве, а также картотеки Катынского музея, расположенного в варшавском микрорайоне Садыба⁵. Основательное исследование проводилось, разумеется, и в чешских архивах. Собранные документы, включающие печатные источники, мемуары, дневники и персональные анкеты, создали - в сочетании с широким компаративным анализом - солидный материальный фундамент данной работы.

Отдельную, четвертую главу М. Борак посвящает проблеме установления национальности, гражданства и территориального происхождения репрессированных, что является вполне оправданным решением ввиду сложности вопроса. В ходе архивных поисков обнаружилось, что изучение темы репрессий против граждан Чешской Республики в нынешнем виде и границах (такое ограничение объема работы предложил заказчик проекта) является затруднительным и беспредельным. Хотя национальность заключенных в ГУЛАГе постоянно регистрировалась и учитывалась в центральной статистике, в последний раз чехи указываются в ней в начале 1939 г., еще до принятия основной волны беженцев с территории Чехословакии, занятой Германией и Венгрией. Этот факт Борак, вслед за Виктором Земсковым, связывает с переводом чехословацких граждан в общую категорию «остальных» национальностей, численность которой увеличилась в 1940 г. более чем в 2 раза, достигнув 148 460 заключенных (сходным образом стали регистрировать и поляков с инкорпорированных СССР территорий)⁶. Аналогично статистики по военнопленным, учитывающие лиц, депортированных в СССР к концу войны или после ее окончания, оперируют критериями, которые зачастую не позволяют определить национальность граждан Чехословакии⁷. В территориальном отношении исследованием было охвачено население всей довоенной Чехословакии, а также члены чешского национального меньшинства в СССР, среди которых были и лица с чехословацким гражданством.

---

⁵ Отдельно был издан также обширный источниковедческий бюллетень: M. Borák, *Prameny k perzekuci české menšiny a československého exilu v bývalém SSSR v ruských archívech* // „Acta Universitatis Palackianae Olomucensis”, Facultas Philosophica, Historica 31, 2002, s. 383-397.

⁶ Автор не успел учесть новую книгу Виктора Земскова *Спецпоселенцы в СССР 1930-1960*. - Москва, 2003, однако широко использовал более ранние его работы.

⁷ См. также: M. Borák, *Czechosłowaccy jeńcy wojenni w ZSRR 1945-1955 (problem weryfikacji narodowości i obywatelstwa w sowieckiej ewidencji)* // „Łambinowicki Rocznik Muzealny”, t. 25, 2002, s. 109-120.

Особое внимание фокусируется здесь на репрессированных, происходящих с территории нынешней Чешской Республики, однако в общих чертах представлена также судьба репрессированных жителей Словакии и Подкарпатской Руси. Хронологические рамки работы охватывают в основном период с 1918 по 1956 гг. (завершение репатриации).

В пятой, самой обширной главе приводится анализ репрессий, которым подвергались отдельные группы чехов и чехословацких граждан в СССР. Автор разделил хронологически исследовательский материал на 2 основные части, относящиеся к миграциям до и после 1939 года. В первой группе оказались представители чешского национального меньшинства в СССР, возникшего в результате более ранней колонизации, численность которой в начале I мировой войны оценивалась в 60-100 тыс. человек. К ней относились прежде всего поселенцы Волынской губернии, Бессарабии, а также менее численные группы, в частности, на Северном Кавказе, в Закавказье и жители поселений, образованных в результате вторичной миграции с Волыни. Часть поселенцев переместилась в Россию незадолго до войны и не имела российского гражданства. Первая советская всеобщая перепись населения 1926 г. насчитала 27 тыс. чехов и словаков, в том числе 7,5 тыс. волыньских чехов, оставшихся на советской стороне рижской границы. Автор проанализировал репрессии, которым подвергалась эта общность после прихода большевиков на Волынь в 1919 г., и в дальнейшем - политические процессы над чешскими деятелями в Киеве во второй половине двадцатых годов, «раскулачивание», депортации и преследование интеллигенции в тридцатые годы, вплоть до репрессий во время II мировой войны, которые усилились после вытеснения немецкой армии с Украины. Количество репрессированных представителей этого меньшинства оценивается в 2 250 человек (в том числе около 750 погибших). Сюда же входят репрессии в отношении бывших чехословацких легионеров и военнопленных периода I мировой войны. Преследованиям подвергались также эмигранты, переселившиеся в СССР в межвоенное время - земледельцы, рабочие, специалисты разных квалификаций, которых советская власть привлекала интернационалистскими лозунгами и различными льготами. Кооперативы, основанные чешскими поселенцами, в скором времени распались; всего лишь одно, самое большое поселение «Интергельпо», в котором проживало около 900 человек (в основном

представителей словацкой национальности), сумело продержаться в киргизском Бишкеке (Фрунзе) до 1943 г. Как оценивает Борак, общее количество чехословацких граждан, репрессированных до 1939 г. в СССР, составляет 1 000 человек, в том числе около 700 погибших.

Среди чехословацких беженцев, репрессированных после 1939 г. в СССР, самую многочисленную группу составили, по подсчетам автора, переселенцы с Подкарпатской Руси, аннексированной Венгрией. Они чаще всего попадали в лагеря, и из числа 20 тыс. жертв репрессий почти половина не пережила их. В СССР переселились также в период распада Чехословакии 4 тыс. евреев, 500 чехословацких немцев и около 100 чехов. В следующей главе представлены репрессии, которым подвергалась чешская диаспора в районах Вольни, Бессарабии и Буковины, аннексированных СССР. Автор приводит много интересных подробностей, характеризующих отношение советских органов власти к чехам (в частности, попытки уговорить поселенцев на Вольни обменять чехословацкий паспорт на паспорт Протектората Чехии и Моравии). В апреле 1940 г. депортации в Казахстан подверглись 2 тыс. вольнских чехов, их дальнейшее массовое принудительное переселение планировалось осуществить летом 1941 г. (которое, однако, не состоялось в связи с нападением Германии на СССР). Репрессии претерпели также чешские земледельцы из районов Румынии, аннексированных СССР. Отдельно рассматриваются преследования, которым подвергалась группа офицеров и солдат сформированного в Польше Легиона чехов и словаков, часть которого попала в советский плен в сентябре 1939 г. Специфическую группу репрессированных составляли чехословацкие евреи (не менее 1,5 тыс. человек), депортированные в лагерь в Ниске, построенный немцами осенью 1939 г. Примерно 1000 человек из этого контингента оказались в конечном итоге в СССР в результате предпринятой немцами акции принудительного перемещения еврейского населения на восточную сторону новой границы. Большинство из них подвергались в дальнейшем депортации и ссылке в лагеря.

Отдельный подраздел работы Борак посвящает «катынским жертвам». В группе убитых польских офицеров и полицейских из лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове насчитывалось около 500 лиц из районов нынешней Чешской Республики, в первую очередь из Заользья. По все еще неполным статистическим данным, почти 100 человек из этой группы

были захоронены в Катюны, 30 человек - в Харькове, 340 пленных из Осташкова похоронены в Медном, а место погребения 30 погибших узников все еще остается неизвестным. Многие из убитых были лучшими представителями польской интеллигенции Тешинской Силезии. Преобладающее большинство контингента Осташковского лагеря составляли силезские полицейские, которые несли службу в районе Заользья после его присоединения к Польше в 1938 г.

Несмотря на статистику НКВД, согласно которой чуть ли не в каждом лагере польских военнопленных находился якобы представитель чешской нации, «катынскими жертвами» из районов нынешней Чешской Республики оказались в основном поляки. Борак решил включить их в рамки исследования «чешских» жертв репрессий, так как примерно 260 человек (такие данные мы находим на С. 98, однако в на С. 126: «как минимум 250 человек») имели чехословацкое гражданство, от которого они «добровольно» не отказались. Автор подчеркивает, что после присоединения западной части Тешинской области к Польше не было подписано польско-чехословацкое соглашение о праве оптации для населения; все проживающие в этом районе приобрели польское гражданство на основе «одностороннего» декрета президента Польской Республики. Следовательно, автор зачисляет убитых в список «чехословацких» жертв репрессий, отмечая, что «если мы признали бы их гражданами польского государства, то тем самым, наверное, мы обязаны признать законность польской аннексии Тешинской области и одновременно, по всей вероятности, также законность Мюнхенского соглашения» (С. 101). Такая аргументация вызывает, однако, сомнения, тем более что ранее (С. 98) автор соглашается с фактом, что в то время, когда данные лица попали в советский плен, они «без всякого сомнения являлись гражданами польского государства». Правда, он добавляет в скобках, что в момент их смерти «это государство уже не существовало» (*sic!*).

Автор не характеризует подробнее чешскую доктрину и лишь отмечает, что эти аспекты должны подвергаться оценке «специалиста в области международного законодательства». Не претендуя на такое звание, можно, однако, заметить, что с юридической точки зрения польское государство существовало также после проигранной сентябрьской кампании 1939 г. В основе польских законодательных актов, относящихся к Заользью, была его цессия со стороны Чехословакии (Польша

не являлась стороной Мюнхенского соглашения). На основании цессии Польша издала в одностороннем порядке законодательные акты о гражданстве, в частности, упомянутый Бораком Декрет Президента Польской Республики от 19 октября 1938 г. о признании правомочности Закона о гражданстве Польской Республики от 20 января 1920 г. на возвращенных землях Тешинской Силезии, а также об изменениях в его некоторых законоположениях (*Dz.U. RP z dnia 20 października 1938 r., nr 81, poz. 548, art. 2*). Это соответствовало тогдашнему международному законодательству. Как отметил Мариуш Мушиньски, в первой половине XX века юридический стандарт, регулирующий наследование гражданства, был в принципе единообразным и сводился к двум положениям: изменению гражданства или его сохранению, которое было связано с переселением людей. Основным положением было первое из них, поскольку в момент перехода унаследованной территории в другие руки жители ее получали гражданство государства-наследника (это изменение было связано с правом оставаться на данной территории). М. Мушиньски подчеркивает, что, хотя формальным юридическим основанием такого решения должен быть международный договор, в случае его отсутствия можно было опереться на параллельно существующую аналогичную узуальную норму. Она состояла в «комплектном» решении, согласно которому население, проживающее на передаваемой территории, утрачивало прежнее гражданство и автоматически приобретало новое в результате изменения суверена. Этот принцип в отсутствие договорной нормы действовал непосредственным образом, а его результатом была возможность самостоятельного урегулирования проблемы гражданства жителей перенятой территории во внутреннем законодательстве государства-наследника. Более того, международное право налагало на прежнего суверена обязанность лишения таких лиц своего гражданства⁸.

Спорные вопросы в отношении гражданства населения в районах Заользья, которые автор работы подвергает глубокому анализу, обсуждались во время польско-чехословацких переговоров в конце 1938 г. и в начале 1939 г. Они, наверное, были бы урегулированы путем заключения международного

---

⁸ M. Muszyński, *Obywatelstwo tzw. późnych przesiedleńców niemieckich. Rozważania na tle prawa międzynarodowego (część I)* // „Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny”, 2005, nr 2, 36-38.

соглашения, если бы Чехо-Словакия не распалась. Как отмечает автор, переговоры по этому вопросу подходили к концу, когда они были прерваны в результате вторжения германской армии на территорию Чехо-Словакии 14 марта 1939 г. Следует, однако, подчеркнуть, что в это время Польша приняла постановление о том, что законодательные акты Польской Республики регулируют вопрос гражданства лиц, населяющих территорию, окончательно присоединенную к Польше. В качестве примера можно, в частности, привести Закон от 15 марта 1939 г. о дальнейшем объединении возвращенных земель с Польской Республикой (*Dz. U. RP z dnia 23 marca 1939 r., nr 22, poz. 136*). Польша не предполагала вступать в переговоры по этому вопросу. Она, в частности, оказалась от переговоров, которые предложила Словакия, считая, что такой шаг может впоследствии побудить Германию выдвинуть сходное требование по отношению к Польше⁹. Участие в таких переговорах могло бы повлечь за собой признание *de iure* аннексии чешских земель, а именно этого польская сторона хотела избежать (что, наверное, служило также интересам чешской эмиграции).

Наглядность рассуждений о гражданстве катынских жертв из района Заользья нарушает нечеткость разграничения междунационально-правового уровня, учитывающего мнение о недействительности мюнхенского пакта *ex tunc* (следовательно, вместе с наступившей позднее цессией Заользья), и исторического повествования, использующего языковой инструментарий, который более точно воспроизводит картину международных взаимоотношений, сложившихся после мюнхенской конференции. Впрочем, этой непоследовательности трудно было избежать также другим чешским историкам. Рассматривая вопрос гражданства или же непрерывность обоих государств в международно-правовом аспекте (которая является бесспорной по отношению к Польше и более сомнительной для Чехословакии), чешские историки неоднократно оставляют без внимания некоторые юридические факты, которые имели место после 29 сентября 1938 г. Например, рассматривая избрание Богуслава Кожушника, происходящего из Заользья, в члены польского Национального совета в Лондоне, чешские авторы применяют по отношению к нему определение

---

⁹ Archiwum Akt Nowych, zespół Ministerstwa Spraw Zagranicznych, sygn. 6483, k. 4, *Opinia Wydziału Prawnego w sprawie przynależności państwowej mieszkańców gmin odzyskanych, wchodzących uprzednio w skład b. Czechosłowacji.*

«бывший» гражданин Чехословакии, которое, впрочем, отражает позицию тогдашних чехословацких представителей, недовольных этим назначением¹⁰. Однако по отношению к будущему заместителю министра здравоохранения, создателю и многолетнему председателю Польского комитета ЮНИСЕФ, чешские авторы проявляют непоследовательную доктринерскую ангажированность. Ибо трудно было бы им применить более «жесткую» риторику по отношению к проблематике Тешинской Силезии, чем риторика Эдуарда Бенеша в первые годы войны, который первоначально допускал возможность исключения польско-чехословацкой границы из принципа реституции домюнхенских границ, а также поддерживал в переговорах с генералом Сикорским предложение по внесению корректив, представленное президенту Мосцицкому за неделю до мюнхенской конференции¹¹. Хотя это предложение, которое Польша отклонила, не вызывало юридических последствий, оно ослабляло позицию Чехословакии в отношении восстановления ее домюнхенских границ (похожим образом обстояло дело с другими проектами Бенеша, в том числе и с планом цессии Подкарпатской Руси в пользу Советского Союза). Позиция Чехословакии в отношении границ с Польшей стала более жесткой только после того, как СССР вступил в антигитлеровскую коалицию и Сталин признал мнение Чехословакии по вопросу последствий Мюнхенского пакта. Однако в это время польские офицеры и полицейские из района Заользья, попавшие в советский плен, не имели уже возможности доказывать свое гражданство (как упомянутый выше Б. Кожушник) и лишены были гипотетического права оптации. Стоит также отметить, что польские эмиграционные власти, оставаясь на прежних позициях ненарушимости границ Польши до 1 сентября 1939 г., проявляли добрую волю по отношению к чехословацким органам власти, лишая польского гражданства всех заинтересованных жителей райо-

---

¹⁰ Ср., напр., записку о беседе между председателем чехословацкого Государственного совета Прокопом Максом и председателем Национального совета Станиславом Грабским, 19 марта 1942 г. // I. Šťovíček, J. Valenta (eds.), *Czechoslovak-Polish Negotiations of the Establishment of Confederation and Alliance 1939–1944. Czechoslovak Diplomatic Documents*, Praha 1995, dok. 99, s. 190. См. также: R. Žáček, *Projekt československo-polské konfederace v letech 1939–1943*, Opava 2001, s. 101; J. Němeček, *Od spojení k roztržce*, Praha 2003, s. 163.

¹¹ На это указывал, в частности, Ярослав Валента во вступлении к цитируемому выше изданию документов (*Czechoslovak-Polish Negotiations...*, s. 11).

на Заользья, которые предпочитали получить паспорт Чехословакии¹². По отношению к населению этой территории оба государства расходились во взглядах также после войны. Лишь конвенция от 17 мая 1965 г., включающая законоположения о выборе гражданства (оптации)¹³, позволила полностью урегулировать этот вопрос.

Возвращаясь к рассматриваемой книге, следует констатировать следующее: независимо от оценки польской политики по отношению к Чехословакии в 1938 г., включение польских офицеров и полицейских из района Заользья в сводную статистику репрессированных чехословацких граждан может вызывать сомнения. Оно является, однако, логическим результатом применения теории о международно-правовом континuitете домюнхенской Чехословакии, признаваемой как ведущими представителями чешской историографии, так и чешскими государственными органами¹⁴. В соответствии с формальными принципами, представленными Бораком во вступлении, уже тот факт, что среди военнопленных были отдельные лица чешской национальности, позволяет автору работы говорить о чешском аспекте Катынского преступления. В пользу такой трактовки имеется и другой приводимый автором аргумент: большинство семей и наследников этой группы репрессированных являются в настоящее время гражданами Чешской Республики. Стоит в связи с этим привести также замечание М. Борака, которое позволяет дополнительно усилить «международный» характер Катынской трагедии. Автор отмечает, что в Медном похоронены двое полицейских, происходящих из словацких местностей Чарне (Čierne) и Скалите (Skalité), которые в 1938-1939 годах принадлежали Польше.

¹² Národní archiv Praha, Presidium ministerské rady - Londýn, karton 75, МИД Президиуму Совета Министров № 253/42/D от 4 февраля 1942 г. (запись беседы между посланниками Скалицким и Моравским, 30 января 1942 г.).

¹³ *Konwencja między Polską Rzeczpospolitą Ludową a Czechosłowacką Republiką Socjalistyczną o uregulowaniu zagadnień dotyczących podwójnego obywatelstwa sporządzona w Warszawie dnia 17 maja 1965 r.* // М. Albiniaк, А. Czajkowska (red.), *Przepisy o obywatelstwie polskim 1919-1995*, Toruń 1996, s. 374-380.

¹⁴ Таким образом, следовало бы предполагать, что польское следствие по делу Катынского преступления должно представлять интерес не только для чешских историков, но также для чешского правосудия.

Следующую группу репрессированных, которой посвящается отдельная глава, представляют лица, депортированные в СССР в конце II мировой войны. Глубочайшие разногласия вызывала до сих пор ее численность, прежде всего по отношению к территории Словакии, где репрессии проводились раньше и в более крупных масштабах. По некоторым подсчетам, численность лиц, насильственно вывезенных из Словакии, составляла от 60 тыс. до 120 тыс. человек (в том числе 2/3 убитых). Проанализировав результаты исследований в этой группе репрессированных, автор считает наиболее достоверной оценку Михаля Барновского, историка Словацкой академии наук, который определяет ее численность примерно в 6 тыс. человек (в том числе 3 тыс. венгров и 400 немцев)¹⁵. Причины депортации были различны и распространялись на заранее предусмотренные общественные группы, в частности, на представителей «белой» эмиграции, граждан СССР, членов нацистских организаций, словацкой Гвардии Глинки и т.п. Однако по отношению к словакам, немцам или венграм принимались во внимание также потребности специализированного рабочего контингента, сформированного из представителей неприятельских народов. Следует при этом подчеркнуть, что среди лиц, интернированных на территории Чехословакии в рамках советской политики «репараций трудом» (на основании постановления Государственного комитета обороны от 16 декабря 1944 г.), немцы составляли небольшую группу - 215 или 250 человек. Последующие депортации были связаны с приказом НКВД от 11 января 1945 г., касающимся «чистки тыла от вражеской стихии».

Автор сопоставляет остаточные советские и чехословацкие статистические данные, относящиеся к узникам, заключенным в лагеря в результате проведения этих операций, а также указывает на деятельность посольства в Москве, которое в конце 1945 и начале 1946 гг. обращалось к советским властям с просьбой освободить 5 тыс. чехов и словаков. К просьбе прилагался поименный список 2179 репрессированных. Отвечая на упреки коммунистических историков, Борак подчеркивает, что хотя среди депортированных были и «коллорационисты и деятели оккупационного режима», однако не они составляли

---

¹⁵ M. Barnovský, *Odvolčenie občanov ČSR zo Slovenska do pracovných táborov v ZSSR v rokoch 1944-1945* // J. Pešek (ed.), *V tieni totality. Politické perzekúcie na Slovensku v rokoch 1948-1953*, Bratislava 1996, s. 10-21.

большинство этой категории репрессированных. Одновременно он отмечает, что и такие лица, как граждане Чехословакии, имели право быть судимыми органами своего государства. Автор лишь поверхностно указывает на участие органов чехословацкой власти в депортации своих граждан за рубеж, ссылаясь на работу Петра Чуки¹⁶. Таким образом книга оставляет в стороне существенный аспект вопроса послевоенных советских репрессий на территории Чехословакии. Обстоятельства этих репрессий представляют мрачный эпизод истории Третьей Чехословацкой Республики (1945-1948). Подробнее эту проблему исследовал Франтишек Ганзлик, который доказывал, что часть состава вооруженных сил бывшей Словацкой республики была признана - без верификации - солдатами неприятельской армии и передана в советские лагеря военнопленных, а затем в исправительно-трудовые лагеря (интересно отметить, что такая судьба не выпала на долю солдат т. н. правительственных войск, подчиненных властям Протектората Чехии и Моравии)¹⁷. Эти действия, производимые не без ведома представителей верховных чехословацких властей, не соответствовали договору об отношениях между чехословацкой администрацией и советским верховным главнокомандованием от 8 мая 1944 г. Кроме того, они находились в явном противоречии с положениями программной декларации первого правительства Национального фронта чехов и словаков (кошицкой программы) от 5 апреля 1945 г., регулирующими вопрос включения членов словацких вооруженных сил в чехословацкую армию. Бесславленную роль в передаче своих граждан в советские лагеря сыграла чехословацкая военная служба безопасности (ОБЗ), наделенная широкими полномочиями. Депортации на территории Словакии касались не только военных лиц, связанных с режимом словацкого государства, они распространялись также на случайных штатских граждан, которых вначале заставляли работать на Красную Армию, а затем вывозили в лагеря. Мало того, как указывает Петр Чука, отдельные части СМЕРШ соперничали друг с другом в отношении количества задержанных и вывезенных чехословацких граждан. Эта волна противо-

¹⁶ P. Čuka, *Únosy lidí z Československa sovětskou KGB* // „Securitas imperii“, 2001, č. 7, s. 192-223.

¹⁷ F. Hanzlík, *Do sovietských gulagů* // „Historická revue“, 2000, č. 10, s. 28-29; idem, *Vojenské obranné zpravodajství v zápasu o politickou moc 1945-1950*, Praha 2003, s. 41-51.

законных репрессий является одним из аргументов, приводимых группой историков, которые придерживаются мнения о том, что 1948 год - как слишком поздняя дата - не может служить пределом анализа преступной деятельности коммунистической системы в Чехословакии.

Однако кроме Словакии, которая не находится в центре внимания данного исследования, депортации имели место также на территории Чехии, Моравии и чешской Силезии. Как оценивает Борак, количество человек, насильственно вывезенных с территории нынешней Чешской Республики, достигало не менее 500 (в том числе 300 погибших). Здесь учитывается также около 300 документированных насильственных переселений чехословацких граждан или лиц, постоянно проживающих на территории республики. Примерно 250 вывезенных принадлежало к «белой» российской и украинской эмиграции (из них всего лишь 70 вернулись живыми из лагерей в Чехословакию). По этому вопросу автор отсылает читателя к работам Владимира Быстрова. Стоит отметить, что наряду с исследованием Борака свет увидела монография Быстрова, посвященная теме депортаций в СССР чехословацких граждан в 1945-1955 годах¹⁸.

По отношению к территории Подкарпатской Руси, жители которой стали подвергаться депортациям после прихода Красной Армии осенью 1944 г., Борак приводит оценки других авторов, согласно которым количество жертв достигало здесь около 40 тыс. человек. Однако ученый не учитывает их в статистике «репрессированных чехословацких граждан», поскольку эта «особожденная территория становилась в это время частью СССР и не возвратилась после войны к Чехословакии» (С. 121). Такое решение может вызывать сомнения, если принять чехословацкую точку зрения, согласно которой Подкарпатская Русь вошла в состав СССР только в результате чехословацко-советского договора от 29 июня 1945 г., а репрессии против населения начались с приходом Красной Армии еще осенью 1944 г.¹⁹ Представляется, что автор должен затронуть также

---

¹⁸ V. Bystrov, *Únosy československých občanů do Sovětského svazu*, Praha 2003; см. также: *idem, Odvěčení bývalých ruských a ukrajinských emigrantů z Československa // M. Borák. a kol., Perzekuce občanů...*, s. 275–313.

¹⁹ В. Быстров анализирует советские депортации на территории Подкарпатской Руси в отдельной главе, но одновременно он констатирует, что невозможно более точно оценить численность чехословацких граждан, вывезенных в лагерь из этих районов. V. Bystrov, *Únosy...*, s. 41–51.

вопрос репрессий оптантов, которые переместились в СССР на основании чехословацко-советского Соглашения о праве оптации и переселения от 10 июля 1946 г. Оптанты, которые поддались лживой пропаганде, нередко подвергались преследованиям сразу же после пересечения советской границы. Большинство из примерно 15 тыс. чехословацких граждан, переселившихся на Волынь, составляли русины восточной Словакии, однако среди них были и словаки, и евреи, и представители других народов, в том числе также чехи²⁰.

Последнюю группу репрессированных в СССР составляют в работе Борака чехословацкие военнопленные, численность которых оценивается автором в 70 тыс. Первоначально они не входили в рамки исследовательского проекта, так как «солдаты вражеских армий не могут по понятным причинам считаться непосредственными жертвами репрессий» (С. 111). И хотя автор решил не включать их в статистику репрессированных, однако он знакомит нас с общей трактовкой этой проблематики - в связи с тем, что депортированные в СССР представляются в статистических материалах о военнопленных. По Бораку, целесообразным является включение в исследование категории, которая имеет документированные примеры принудительной службы в немецких вооруженных силах, если учитывать при этом очевидные репрессивные аспекты лагерного режима для военнопленных (плохие условия, эксплуатация труда, продленный срок неволи). С формальной точки зрения чехи не служили в немецких вооруженных силах, однако большинство «чехословацких» военнопленных, которые отмечают советские статистики, автор обнаруживает в группе около 500 тыс. мобилизованных судетских немцев, а также нескольких десятков тысяч солдат Вермахта, происходящих из района Гульчина и Заользья (в том числе прежде всего поляков). К «чехословацким» военнопленным автор причисляет также немецких солдат, которые в плену самоидентифицировались как лица чешской национальности или чешские граждане, и не включает в эту группу представителей немецкого меньшинства в Чехословакии, а также чехословацких венгров, призванных на службу в королевскую армию (согласно чешской доктрине - в 1938 и 1939 годах немцы и венгры

²⁰ См. M. Šmigel, *Súvislosti opcie a presídlenia obyvateľov ČSR do Sovietskeho zväzu v roku 1947* // „Acta Historica Neosoliensia“, t. 5, 2002, s. 95. См. подробнее: M. Gajdoš (ed.), *Čo dala - vzala našim rodakom optácia*, Košice - Prešov 2002.

добровольно приобретали гражданство другого государства и лишались чехословацкого гражданства, что и подтвердили декреты Бенеша). С другой стороны, интересно, что автор в группе военнопленных в СССР упоминает представителей хорватского меньшинства, проживающего в южной Моравии, а также - рассматривая вопрос в национальном ключе - чехов из Югославии и Румынии, отмечая также факты наличия военнопленных чехов из польской местности Зелюв (лодзинское воеводство). Как замечает автор, заставляет задуматься тот факт, что в советской статистике за ноябрь 1945 г., по которой численность «чехословацких» военнопленных Вермахта составляла 47 375 человек (отдельно - 1270 закарпатских украинцев), среди военнопленных венгерской армии не отмечены словаки.

В заключительной главе, содержащей предварительную статистическую оценку, Борак представляет общую численность чехословацких граждан, репрессированных в СССР, которая составляет 37,6 тыс. человек. Примерно 16 250 из них не пережили преследований. Самую большую группу репрессированных составляет население Подкарпатской Руси и чехословацкие евреи. Однако этой статистикой не были охвачены жертвы «послевоенных» депортаций из района Подкарпатской Руси. Если бы учесть эту группу, то - как считает автор - общее количество репрессированных увеличилось бы до 150 тыс. человек. Количество репрессированных, происходивших с территории нынешней Чешской Республики (включая эмигрантов), автор оценил в 4150 человек, в том числе 2150 погибших.

Достоинством работы Борака является, наряду с представлением общих размеров репрессий, также то, что она положила начало документированию репрессий в отношении отдельных семей и лиц. Эти примеры, используемые в качестве наглядной иллюстрации к разным формам преследований, способствовали выделению категории репрессированных лиц. Результаты этого исследования представляют собой важный этап на пути создания постулируемого Бораком указателя чехов, репрессированных в СССР. Его зачаточной формой являются собранные до сих пор списки погибших и репрессированных чехословацких граждан из базы данных общества «Мемориал» в Москве, список евреев, пропавших из эшелона, направлявшегося в Ниско на реке Сан, списки репрессированных чехов из районов Одессы и Киева, а также неполные списки военнопленных с территории Чехословакии. Как

подчеркивает М. Борак, обогащение этой базы данных требует дальнейших исследований, в первую очередь, в российских региональных архивах, а также в украинских и белорусских архивах. Следует отметить, что благодаря полученным до сих пор результатам исследований несколько десятков семей в ответ на свои запросы, посланные в Силезский институт в Опаве, могли получить справку о судьбе пропавших близких.

Рассматриваемая работа является публикацией существенной и долгожданной, о чем может свидетельствовать факт, что представленные М. Бораком оценки численности репрессированных уже используют чешские публицисты²¹. К счастью, они не выдвигают неубедительного тезиса о чехословацкой принадлежности катынских жертв из районов Заользья, хотя примененные в этой области автором критерии вписываются в способ повествования, типичный для институционализированного направления чешской историографии. Данная проблема, в особенности в сопоставлении с непоследовательной трактовкой жертв советских репрессий на Подкарпатской Руси, несомненно сказывается на общей оценке работы. Однако, учитывая широкие рамки исследуемой темы, эти проблемы являются второстепенными и не могут преуменьшить бесспорные достоинства книги. И хотя Борак отмечает, что многие из сформулированных им выводов имеют характер рабочей гипотезы, требующей в дальнейшем верификации и обширных специальных исследований, можно предположить, что эта публикация станет на долгие годы основной научной работой в данной области. Все быстрее уходит поколение жертв репрессий и их очевидцев (но также палачей), чьи свидетельства могли бы существенно пополнить документальный материал и указать на возможные пробелы в исследованиях. Определенное значение имеет здесь и то, что чешские историки борются с возрастающими препятствиями для доступа к российским материалам по преступной деятельности советской репрессивной системы. Во время встреч чешских и российских историков постоянно всплывает проблема более широкого доступа к российским архивам, поскольку только это даст возможность объективно оценить спорные страницы

---

²¹ См., напр.: I. Motýl, *Štamprle za gulag* // „Týden“, č. 3, 17 января 2005 г., s. 36-39.

истории²². Поэтому не случайно в выводах, сформулированных в рамках осуществленного коллективом М. Борака по заказу чешского МИДа проекта, оказался призыв к дипломатической поддержке и подписанию с Российской Федерацией соглашения по сотрудничеству в области архивного дела и, в частности, открытию свободного доступа к спецархивам и рассекреченным частям значительных архивных коллекций.

Матэуш Гняздовски

Štefan Markuš, *Maďari pod lupou*, Bratislava: Veda 2003, s. 255.

Как правило, воспоминания дипломатов представляют собой ценный источник для изучения истории международных отношений, особенно двусторонних. Обычно такие воспоминания издаются в конце карьеры, иногда даже после смерти авторов, и позволяют приподнять занавес над важными политическими решениями и увидеть их скрытые причины и мотивы. Книга Штэфана Маркуша, занимавшего в течение трех лет пост посла Словакии в Венгрии, не относится к этому виду литературы. Ее цель - показать словацкому читателю иную, незнакомую Венгрию, и поэтому книга больше напоминает некий путеводитель по современному венгерскому обществу. Для автора - словака, родившегося в венгерском городе Ньиредхазы и переселившегося в Словакию вместе с семьей в рамках соглашения о репатриации между Чехословакией и Венгрией после Второй мировой войны, т.е. для человека, владеющего венгерским языком и имеющего в Венгрии много родственников и знакомых, - впечатления от Венгрии были похожи на «впечатления космонавтов, впервые увидевших обратную сторону Луны». Эта взаимная неосведомленность чаще всего объясняется и оправдывается несхожестью словацкого и венгерского языков. Гораздо более важной проблемой словацко-венгерских отношений, чем взаимная неосведомленность, является толстый слой предрассудков и стереотипов, которые сформировались в обоих обществах в результате исторических драм и разногласий. Представители

---

²² E. Voráček, *Zasedání česko-ruské komise historiků a archivářů* // „Slovanský přehled“, 2005, č. 1, s. 125.

публицистики, средств массовой информации и историографии очень медленно и недостаточно эффективно устраняют эти разногласия, освещая действительное положение дел.

Автор книги не профессиональный дипломат, а ученый, интеллектуал и бывший сопредседатель Словацкой академии наук. Прежде чем покинуть академическую среду и уйти на дипломатическую службу, в феврале 1998 г. он участвовал в выборах на пост президента Словацкой Республики в качестве кандидата Словацкой демократической коалиции (SDK) при поддержке представителей партий венгерского меньшинства в Словакии. Хотя по результатам голосования в парламенте его кандидатура была отклонена (после прямого голосования пост президента занял Рудольф Шустер как компромиссный кандидат пост-мечиаровской коалиции), г-н Маркуш зарекомендовал себя достойным кандидатом на «горящую» должность посла Словакии в Будапеште.

Штэфан Маркуш занял этот пост, когда обостренные словацко-венгерские отношения воспринимались в Брюсселе как серьезная проблема для процесса европейской интеграции, и большая часть вины за это возлагалась на словацкую сторону. Время его деятельности в качестве посла характеризуется стремлением Словакии к нормализации отношений, поиском решений спорных вопросов (дело о проекте Габчиково-Надьмарош в международном суде, права венгерского меньшинства) и выполнением требований, связанных с процессом вступления в ЕС. Дипломатическая деятельность г-на Маркуша завершилась в результате ухудшения отношений и споров вокруг «Закона о венграх, проживающих в соседних государствах», и он был отозван со своего поста. В течение последующих двух лет посла Словакии в Венгрии не было.

Деятельность Штэфана Маркуша на посту посла Словакии, продолжавшаяся два с половиной года, началась в день, по поводу которого мнения словаков и венгров будут всегда расходиться, - 4 июня - в годовщину подписания Трианонского мирного договора, когда Венгрия приняла навязанные ей условия устройства Европы после Первой мировой войны; эту дату в Словакии никто не отмечает, и большинство населения даже не подозревает, что именно произошло в этот день в далеком 1920 году. В Венгрии этот день - напоминание о крупнейшей исторической драме и повод, к которому прибегает не один политик, чтобы своими речами «пробуждать ностальгические воспоминания у представителей старшего

поколения и будоражить умы молодежи» (С. 109). Некоторые политики, например, председатель Всемирного союза венгров Миклош Патрубань, придают Трианонскому мирному договору огромное значение в вопросе формирования национального самосознания, считая, что «венгр - это тот, кто чувствует боль утрат от Трианонского договора» (С. 14). К феномену 4 июня и пониманию вышеуказанной боли трех поколений «за искривленный позвоночник, который не позволяет понять причину *искривления*», автор возвращается во многих местах книги. Главную причину он усматривает в том, что в венгерской исторической памяти отсутствует рефлекс критического отношения к собственным ошибкам и промахам. При этом на «исторические обиды» венгры смотрят не сквозь призму причин, а только в свете последствий. «Как будто венгры хотят, чтобы алфавит начинался с буквы «в». Предыдущие буквы их не интересуют. Поэтому их беспокоит только то, что произошло после Трианонского мирного договора» (С. 17).

Однако венгерская общественность преуспела не только в поддержании массовой меланхолии и выражении сожалений по поводу необратимости исторических процессов. Штэфан Маркуш считает венгров народом, для которого история имеет немаловажное значение. Стеллажи книжных магазинов Будапешта буквально ломаются от исторических книг отечественных авторов и переводных трудов признанных западных историков. Нередко на одну тему ежегодно выходит по две-три книги с серьезными историческими исследованиями. В то время как в Словакии историей профессионально занимаются примерно 400 историков, южнее Дуная - в 10 раз больше. Великолепное празднование и всеобщее внимание, которыми было отмечено 1000-летие крещения Венгрии, а за три года до этого - празднование появления венгров в Карпатской котловине, указывают на важное место, которое отводится истории. Этот феномен не остался незамеченным: как дипломату, Штэфану Маркушу приходилось часто сталкиваться с таким явлением. Однако за исключением вклада в историю как научную дисциплину, такое «пресыщение историей», и особенно выбор для исследования только «лакомых кусков» собственной истории, подпитывает в обществе определенные иллюзии, мифы и нереальные мечты.

В то время как венгерское общество и, прежде всего, венгерская историческая общественность не прекращают рассуждать по-великовенгерски, а предметом своих научных интересов и бережно хранимых традиций и мифов продолжают считать

«Нижнюю землю» (Большую Венгерскую равнину), «Верхнюю землю» (Словакию), Трансильванию и Закарпатье, для словаков история географически ограничивается на другой стороне Дуная, реке Ипель и сразу за городом Кошице. Поэтому автор книги стремится вернуть словацкую историю в венгерское русло и проследить исторические события в месте, в котором они происходили до 1918 г., то есть в Венгрии.

В книге используются различные литературные жанры. Собственные размышления на тему современной венгерской политики сменяются главами, представляющими интерес для читателя и посвященными становлению церкви в Венгрии, происхождению и значению государственных праздников, биографиям выдающихся деятелей и (не)заурядных политиков. Политические портреты пяти посткоммунистических премьер-министров представляют собой не просто набор биографических данных, а отражают мнение опытного политолога. В своей книге Штэфан Маркуш не обходит стороной политические проблемы, которые существовали в словацко-венгерских отношениях во время его дипломатической деятельности. Автор обращает внимание читателя на высказывания Виктора Орбана по поводу декретов Бенеша, а также на полемику о восстановлении моста Марии-Валерии через Дунай, вспыхнувшую в средствах массовой информации обеих стран. Однако среди многообразия тем выделяется спор вокруг «Закона о венграх, проживающих в соседних государствах». Специально для читателя рассматриваются основные положения этого закона и приводится широкий спектр мнений: от мнений радикальных националистических партий («Партии венгерской справедливости и жизни», «Молодежного движения 64 районов») и движений фашистского толка («Совесь 88») до позиции правительства президента Орбана и премьер-министра Медьеша.

На примере предпринимателя Петера Цвака (*Péter Zwack*), американского гражданина венгерского происхождения, который после 40-летней эмиграции вернулся в Венгрию из США, в рамках реституции получил обратно семейный ликероводочный завод в Будапеште, восстановил славу ликера «Цвак Уникум» и отказался от американского гражданства - наиболее ценного гражданства в мире -, чтобы стать послом Венгрии в США, автор показывает «особое отношение» венгров к своей родине, культуре и языку. Другие примеры - биографии тринадцати нобелевских лауреатов-венгров, из которых только два работали на родине, но тем не менее,

большинство из них с гордостью заявляли о своем венгерском происхождении.

Как следует из названия книги, автор ставил перед собой цель в мельчайших подробностях («под лупой») рассмотреть современное венгерское общество и политическую жизнь. И как часто случается при ближайшем рассмотрении, он обнаружил поврежденные, деформированные и испорченные фрагменты в общей мозаике венгерской действительности. Из книги читатель узнает, что Будапешт - это не только город, в котором живет больше всего евреев Центральной Европы, или город, в котором находится одна из крупнейших и прекраснейших синагог, но и столица государства, в котором «анти-семитизм распространен как вид народного творчества»: на футбольных стадионах, в высказываниях политиков ультра-правых партий; при этом степень общественной и политической толерантности антисемитизма намного выше, чем в среднем по Европе. Показательно и то, что после избрания в парламент крайне правые политические партии, которые встречаются почти в каждом демократическом обществе, не оказываются автоматически в политической изоляции, а наоборот, зачастую принимают участие в формировании внутренней и внешней политики.

В заключение книги автор приводит текст нескольких своих выступлений, лекций и интервью для словацких и венгерских средств массовой информации, в которых он уделяет внимание не только вопросам двусторонних отношений, но и роли христианства в современном обществе, положению семьи, потребностям и перспективам экуменистического движения («О кризисе семьи и взаимного доверия», «Кризис христианского единства», «Христианство и политика» и т.д.). Эта необычная для дипломатических представителей деятельность в области экуменизма, восприимчивость к вопросам духовного, этического и морального развития общества объясняется тем, что уже в течение ряда лет Штэфан Маркуш является секретарем Совета Церкви братьев в Словацкой Республике. О глубоком интересе автора к проблемам современной Венгрии и его стремлении к поиску их исторических корней свидетельствует также приведенный список литературы на венгерском языке, который содержит большинство публикаций, изданных на эту тему во время дипломатической деятельности г-на Маркуша.

Петер Шолтэс

Ian Budge, Ivor Crewe, David McKay, Ken Newton, *The New British Politics*, third edition, Pearson Education Limited, Harlow, Essex, Great Britain 2004, 738 p.

и

Malcolm Sawyer [ed.], *The UK Economy*, sixteenth edition, Oxford University Press 2005, 266 p.

На британском издательском рынке появились (доступные также в Польше), новые, расширенные издания двух классических книг на тему политики и экономики Соединенного Королевства. Вместе обе работы дают по возможности полную картину современной Великобритании, воспринимаемой через призму международных политических и экономических отношений. Обе также доказывают взаимную связь и обусловленность данных сфер, в случае Соединенного Королевства обнаруживающуюся особенно сильно, учитывая большую роль Великобритании и британской экономики в Европейском союзе и в глобальном масштабе.

Первая работа, *The New British Politics* (2004), является третьим, основательно отредактированным и актуализированным изданием признанного компендиума знаний в области политической жизни современной Великобритании. По сравнению с предыдущими изданиями (1998 и 2001), значительно расширены, в частности, материалы, посвященные реформированной Лейбористской партии (*New Labour*), а в особенности подведению итогов прошедшего этапа правления Тони Блэра, начиная с 1997 г. В этом отношении анализ касается (1) генезиса и условий возникновения новой лейбористской программы в середине 90-х гг., (2) содержащихся в ней решений самых существенных политических и социальных проблем Великобритании, (3) эффективности правления лейбористов после прихода к власти, а также (4) индивидуального влияния важнейших фигур британской политической жизни, как со стороны правительства, так и оппозиции, на ход событий. Ориентируясь на приближающиеся всеобщие выборы, авторы предприняли также первые попытки подведения совокупного баланса обеих каденций (1997-2001 и 2001-2005). Учитывая время издания книги, она, к сожалению, не охватывает хода избирательной компании мая текущего года и обусловленностей третьей уже, как известно, победы Лейбористской партии.

Работа имеет в принципе типично академический характер, хотя живой стиль изложения и широкий фон анализа

указывают скорее на большие публицистические достоинства текста. Углубленная рефлексия авторов позволяет заинтересовать рассуждениями разные группы читателей, в том числе, в частности, специалистов в области международных политических отношений. К важнейшим темам, поднятым в ходе систематического изложения, принадлежат следующие: международные, социальные и исторические обусловленности британской политики, деятельность парламента, конституционная реформа, система правления на центральном и местном уровне, управление и законодательство, неправительственные организации, группы влияния, масс-медиа, избирательная система, деятельность политических партий, публичные службы, безопасность, экономическая и социальная политика. Отдельная глава посвящена проблематике конфликта в Северной Ирландии и проблемам прогрессирующей автономии (*devolution*) Шотландии и Уэльса. Среди затронутых в книге проблем важное место принадлежит также роли Великобритании в мире, в том числе, в частности, особым отношениям с США и проблематике британского участия в европейской интеграции. Авторы учитывают правовые последствия принадлежности Соединенного Королевства к ЕС, в том числе в особенности проблемы влияния евросоюзного законодательства на форму британских правовых решений. Особое внимание посвящено эффективности функционирования европейских структур. Книга сопровождается доступом к переключателю с ней тематически странице в Интернете.

На прежний издательский успех может опираться в большой степени также вторая анализируемая книга - *The UK Economy* (2005) под редакцией Малькольма Сойлера, профессора экономики Лидского университета. Уже шестнадцатое издание этой признанной и ценной монографии на тему британской экономики на этот раз - как и предыдущая работа - дополнено возможностью пользоваться специальной страницей Интернета, содержащей текущую актуализацию статистических данных, а также дополнительную информацию и учебные пособия, поочередно подготовленные отдельными авторами. Подобно книге *The New British Politics*, это также пример современного и приспособленного к растущим требованиям нынешнего поколения читателей академического учебника. В работе над книгой участвовали специалисты по макро- и микроэкономике, а также эксперты в области международных экономических отношений. Это благодаря им масштаб

презентации охватывает не только внутреннее экономическое положение Соединенного Королевства, но также его относительную конкурентную позицию в сопоставлении с соперниками из континентальной Европы и внеевропейскими государствами. Конкурентоспособность британской экономики показана как следствие не только общего состояния конъюнктуры в мировой экономике, но прежде всего как результат принятия решений в макроэкономической сфере британского правительства. Важное место в содержании книги, кроме того, занимают вопросы растущей роли транснациональных корпораций, а из локальных проблем - дискуссия на тему существенного для общей конъюнктуры рынка недвижимости. Ценными являются также размышления по поводу всегда спорных проблем перераспределения национального дохода, прогрессирующего имущественного расслоения общества, а также размера налоговых обязательств для физических лиц и бизнеса.

В обеих книгах фоном, оттеняющим нынешнее положение, является многоаспектный анализ влияния программы экономической и социальной политики следующих друг за другом правящих группировок в Великобритании во второй половине XX века на позицию этого государства на международной арене. Предметом многочисленных ссылок, особенно в первой рецензируемой книге, являются, таким образом, кейнсианское государство всеобщего благоденствия (*welfare state*) эры общественно-политического консенсуса (1945-1979), тэтчеризм вместе с правлением Джона Мэйджора (1979-1997) и, наконец, концепция Третьего пути *New Labour* времен правительства Тони Блэра (1997-2005).

Рост долговременной конкурентоспособности британской экономики, отмеченный в 80-е и 90-е гг. XX века после кризиса последнего десятилетия и являющийся в огромной мере результатом последовательной политической программы консервативных команд в 1979-1997 гг., в значительной степени повлиял на форму нынешней линии британской политики под управлением реформированной Лейбористской партии. Поэтому анализ, предпринятый в обеих рассматриваемых работах, учитывает важнейшие институциональные изменения, обуславливающие масштаб роли государства и свободу политических и экономических решений на разных ступенях власти. Здесь представлены также место Великобритании в мировой политике, уже упоминавшееся отношение Соеди-

ненного Королевства к развитию европейской интеграции, а также его исключительная роль во взаимоотношениях с государствами Британского содружества наций. Приложенный ко второй работе статистический материал охватывает, в частности, показатели общего экономического развития (темпы роста национального продукта брутто, колебания размера инфляции и уровня безработицы), показатели эффективности использования факторов производства, уровень внутренних и зарубежных инвестиций, состояние сальдо платежного баланса, участие Великобритании в мировой торговле (место в глобальном экспорте и импорте), а также характеризующие обмен показатели *terms of trade*.

После более чем восьми лет лейбористского правления к несомненным достижениям реформированной Трудовой партии следует отнести прежде всего макроэкономические успехи. Оставляют желать много лучшего по-прежнему не вполне реализованные предвыборные обещания 1997 и 2001 гг.: реформа сектора общественных услуг, борьба с нищетой и социальным неравенством, модернизация систем здравоохранения и образования. Третья подряд избирательная победа дает Блэру в этой ситуации беспрецедентный шанс окончания программы социальных и политических реформ, начатых во второй половине 90-х гг. Ибо одним из существенных достижений кабинета Блэра является инициирование реформы государственного устройства Соединенного Королевства. Ее значимым элементом является процесс т. н. деволюции, т. е. придания существенных компетенций независимым органам власти в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии. И хотя в Уэльсе реформа имеет относительно ограниченный характер, а изменения в Северной Ирландии еще не вполне удались, деволюция в Шотландии имеет наиболее продвинутый характер, а ее самым убедительным проявлением стало создание на основании закона *Scotland Act 1998* шотландского парламента (Холируд - так звучит его неофициальное название, в отличие от парламента Соединенного Королевства, называемого в народе Вестминстером). Деволюция означает, как оказалось, не только новое разделение законодательных компетенций, но и существенные изменения в конституционных основаниях всего государственного устройства.

Успех экономических реформ команд Тэтчер (1979-1990) и Мэйджора (1990-1997) вновь передвинул центр тяжести политической дискуссии на подъем качества жизни всего общества.

Прорывочная программная модернизация Лейбористской партии середины 90-х гг. породила в этой ситуации надежды электората на то, что предыдущие экономические достижения не будут перечеркнуты, а лейбористская ориентация нового правительства позволит шире учитывать социальные приоритеты. Однако *New Labour* сформировалась как партия, придерживающаяся не столько левых, сколько центристских традиций. В консервативном крыле партии это было однозначно воспринято как окончательный отход от идеи британского социализма 1945-1979 гг.

В результате программных реформ, конституирующих *New Labour*, лейбористы порвали с практикуемой ими в предыдущие десятилетия схемой деятельности *tax and spend*. Извлекая выводы из кризиса кейнсианской модели и опыта Тэтчер и Мейджора, Блэр предложил концепцию т. н. Третьего пути (*The Third Way*), т. е. капитализма, в невиданной до сих пор степени реализующего социальные приоритеты, при одновременной попытке сохранения эффективности хозяйствования, характерного для прорывочных команд. Правда, эта программа уходит своими корнями в концепцию государства всеобщего благоденствия 60-х и 70-х гг., но на этот раз базируется на реальных хозяйственных достижениях современной экономики и в беспрецедентной для лейбористов степени делает ведущими нелиберальные принципы хозяйствования.

На фоне перманентной слабости оппозиционных партий казалось, что результаты очередных выборов заранее предопределены, а партийному лидерству самого Блэра ничто не угрожает. В последний период, в атмосфере споров вокруг участия британских сил в вооруженной интервенции в Ираке, личная популярность премьера заметно снизилась. В новый парламент в мае 2005 г. лейбористы вошли со значительно меньшим, хотя и по-прежнему существенным преимуществом в 60 мандатов. Это, однако, в три раза меньше, чем во время рекордной избирательной победы в 1997 г. На внутривнутрипартийном форуме все более важной проблемой будет, вероятно, борьба Блэра с влиятельным министром финансов Гордоном Брауном, которому многие комментаторы уже давно пророчат карьеру преемника нынешнего лидера. Все чаще звучащие мнения на тему возможности передачи кормила власти в руки Брауна создают в этой ситуации медийный фон для чтения обеих книг.

От лейбористских команд обычно ожидалось введение показательных, идеологически мотивированных экономических

и социальных изменений. В сравнении со своими предшественниками 1945-1951, 1964-1970, 1974-1979 гг. *New Labour* Тони Блэра добивается успеха не коренными однократными изменениями, а скорее путем постепенных, последовательных продвижений, рассчитанных на долговременное накопление результата. Независимо от того, как долго еще лейбористы останутся у власти (под нынешним или новым руководством), разработанные ими политические и социально-экономические реформы будут являться основанием и естественной точкой отсчета для следующих правящих команд. Прорывочная программная модернизация Лейбористской партии поставила в исключительно трудное положение британскую Консервативную партию, которая после поражения на выборах 1997, 2001 и 2005 гг. пытается не только восстановить утраченное доверие электората, но прежде всего обрести внутрипартийное единство и выработать заслуживающую доверия избирательную программу на будущие годы. На фоне идеологических изменений, введенных Лейбористской партией, эта задача становится необычайно трудной, главным образом, по причине утраты традиционной прерогативы тори на большинство консервативных программных лозунгов, особенно в экономической области.

Анализируя прежние достижения Тони Блэра как правящего премьера и харизматического лидера *New Labour*, авторы обеих работ ищут ответ на вопрос, что сформировало его яркую политическую карьеру и пытаются определить, как это может повлиять на дальнейшие избирательные шансы лейбористов и на эволюцию модели руководства Лейбористской партией. Показательная роль британского премьера, укрепленная особенно сильно в связи с продолжающимся председательством Великобритании в Совете Европейского союза и группе G8 приобрела, кроме того, новое значение перед лицом трагических событий в Лондоне 7 июля нынешнего года. В связи с чтением рассматриваемых книг при этом возникает вопрос о том, насколько последствия совершенных там терактов потрясут стабильную британскую политическую сцену и не пошатнут ли они - сформированное на протяжении последних десятилетий и последовательно представляемое до сих пор правительством и обществом Соединенного Королевства - исключительно благоклонное отношение к межкультурному диалогу, характерному для полиэтнического облика этого государства.

Каролина Бальцеровска-Кватерска

А. П. Цыганков, П. А. Цыганков (ред.). *Российская наука международных отношений: новые направления*, Москва: ПЕР СЭ, 2005. - 416 с.

Развивающаяся уже несколько десятков лет наука о международных отношениях - это, главным образом, англо-американский продукт, отражающий определенную эволюцию взглядов на изменяющийся международный порядок. Среди незападных исследователей с некоторых пор нарастает протест против господства западных теоретических подходов. Тем не менее, пока усилия, направленные на создание «национальных» теорий международных отношений, заканчивались фиаско. Несмотря на то, что поиски «национальных» теорий скорее вписываются в развитие истории идей/идеологий, чем общественных наук, такие попытки по-прежнему предпринимаются, в особенности в государствах, претендующих на то, чтобы играть в мире существенную роль. Лучшим примером является Российская Федерация, в которой после разрыва с марксистской парадигмой и по окончании периода усвоения западных концепций, с середины 90-х гг. все громче слышатся призывы к созданию «национальной идеи», конституирующим элементом которой стало бы определенное видение международного порядка. Конечно, параллельно этому процессу в России также идет развитие исследовательских направлений, опирающихся на западный опыт и теории, в особенности признанные наиболее развитыми и поддающимися адаптации в российских условиях.

Распад советской империи, вызванный, в частности, эрозией марксистско-ленинской идеологии, с одной стороны, позволил порвать с блокирующим развитие науки догматизмом, а с другой - означал разгром советской науки как в материальном, так и институциональном смысле. Особенно пострадали общественные науки, неспособные к тому, чтобы за короткий срок принести пользу новому государству. В этих новых и трудных условиях начали закладываться основы российской науки о международных отношениях. И именно этот процесс вдохновил Павла и Андрея Цыганковых (отца и сына) на создание с помощью признанных российских ученых-специалистов по международным отношениям книги о состоянии российских исследований в этой области. Павел Цыганков, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, - ныне, пожалуй, самый выдающийся российский исследователь, занимающийся теорией и социологией между-

народных отношений. А Андрей Цыганков, доктор философских наук, является профессором Южнокалифорнийского университета, автором нескольких книг по теории международных отношений и внешней политике России. Редакторы решили пригласить группу российских исследователей для написания серии статей о развитии науки о международных отношениях в России. Возникла необычайно интересная панорама российской мысли последних пятнадцати лет, позволяющая лучше понять внешнюю политику России.

Первая, состоящая из трех очерков, часть, озаглавленная «Состояние российской науки о международных отношениях», является исходной точкой для более подробных размышлений. Во введении редакторы книги представляют эволюцию российских исследований международных отношений после разрыва с наследием единственно правильной идеологии, отмечая большую открытость исследователей к западным исследовательским течениям. Они замечают, что российская наука о международных отношениях по-прежнему является малоизученной сферой не только за рубежом, но и в самой России. Поражает скромное количество публикаций на эту тему по сравнению с массой материалов о внешней политике и роли СССР, что, конечно, вызвано принципиальным преобразованием политической карты мира.

По мнению авторов, ключевыми чертами развития российской науки о международных отношениях являются плюрализм, вестернизация и изоляционизм. Первая из них способствовала возникновению множества концепций, в большинстве своем познавательно довольно мелких, направленных скорее на описание развития западной мысли, чем на попытки ее применения в постсоветских реалиях. По мнению авторов, на фоне растущего научного плюрализма можно ныне заметить соперничество двух тенденций - вестернизации и изоляционизма. Первая отражает полную зависимость развития науки о международных отношениях в России от англо-американской традиции и недооценку местной специфики. Вторая, в свою очередь, утрирует исключительный характер российской мысли, нередко игнорируя необходимость ведения диалога с другими традициями. Заслуживает внимания в особенности очень широкое и совершенно отрицательное восприятие в России двух громких концепций - «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы и «столкновения цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона, которому посвящена отдельная глава (С. 68-94).

На этом примере показано амбивалентное отношение российских исследователей к западным концепциям вообще, но одновременно и большой интерес, который к ним проявляется.

В рамках, определенных обеими крайними позициями - отрицания или одобрения западных теорий, уже более десятка лет продолжается оживленный спор о свойствах современной международной системы и месте, которое Россия в нем занимает или должна занимать. После части, довольно общим образом представляющей концептуальное и институциональное развитие российской мысли о международных отношениях, авторы переходят к анализу отдельных исследовательских парадигм. Они начинают с известного разделения российских научных направлений на «атлантическое» (прозападное) и «евразийское» в демократическом и славянофильском вариантах. Точно замечают, что данная дихотомия со временем перестала соответствовать действительности, ограничивая спор дискуссиями на тему позиции России по отношению к Западу. По сути это был спор не столько научный, сколько мировоззренческий и идеологический, используемый для нужд текущей политической деятельности. Лишь в последние несколько лет можно позволить себе классифицировать российских исследователей по западным критериям на сторонников либерального, реалистического и неомарксистского направлений (в социал-демократическом и традиционном вариантах) или по-прежнему довольно многочисленных апологетов геополитического подхода.

Поэтому авторы размышляют поочередно над местом реализма, либерализма и неомарксизма в российских исследованиях международных отношений. В случае реализма авторы (Т. А. Шаклеина и А. Д. Богатуров) указывают на сложный характер данного исследовательского направления, популярного в современной России не столько по причине их познавательной ценности (довольно сильно подвергаемой сомнению на Западе), сколько из-за идеологической родственности и использования таких известных и общепринятых категорий, как «равновесие сил», «одно-, дву- и многополярность», «сферы влияния», широко применяемых как в доктринальных документах российской внешней политики, так и в высказываниях политиков. Справедливой представляется точка зрения, согласно которой именно реалистическое направление, обогащенное очень популярной в России геополитикой, наиболее близко современным творцам и исполнителям внеш-

ней политики РФ. Возможно, даже более интересной проблемой, чем развитие российского реализма, является феномен геополитической мысли, которая для многих мыслящих кругов приобрела черты новой «Великой идеи». Впрочем, российской геополитике посвящена отдельная глава, пытающаяся ответить на вопрос о причинах ее расцвета. Автор (Е. Г. Соловьев) замечает, что возрождение геополитики после распада СССР было связано с идеологическим кризисом. Географический детерминизм давал разномастным ученым, журналистам и, наконец, политикам ясные, однозначные решения будоражащих Россию проблем. Геополитика стала чем-то вроде тайного знания, представляющего собой ключ к пониманию изменяющегося на глазах международного положения и обнаруживающего скрытые механизмы и движущие силы современных событий. Наибольшую популярность геополитика получила в радикальных левых и правых кругах, которые именовали ее универсальным учением, окончательным синтезом. Вульгаризированная версия геополитики, состоящая в формулировке неизменных законов истории с опорой на вечное соперничество «Суши» и «Моря», т. е. России и Запада, пользовалась в России популярностью, поскольку подбрасывала обществу ясный ответ на вопрос о причинах нынешних проблем, указывая на геополитическую агрессию Запада. Со временем геополитическая риторика была подхвачена властью, что позволило ей маргинализировать крайние политические группировки и сохранить внутривластное статус-кво. Конечно, ни в одном из этих случаев, как отмечает автор, нельзя говорить о геополитике как о науке, но скорее как об орудии влияния на коллективное сознание россиян. Тем не менее, тот же автор не смог устоять перед очарованием геополитики, ибо далее в статье он пытается убедить читателя, что познавательный и аналитический потенциал геополитики не исчерпан, в особенности если отказаться от универсалистских стремлений и признать, что она может предложить лишь частичное объяснение международных процессов.

Рассмотрение значения реализма и геополитики в российской мысли представляется наиболее интересным по причине их непосредственной транспозиции на политику государства. Тем не менее, книга посвящена российской науке о международных отношениях, а не ее инструментализации. Поэтому столько же места уделено в ней двум другим парадигмам: либерализму и неомарксизму. Первый из них достиг своего

апогея в начале 90-х гг., сразу же после распада СССР, когда сближение с Западом стало основным направлением российской внешней политики. Однако сегодня исследователи, использующие и пропагандирующие либеральный подход, находятся в абсолютном меньшинстве, приближаясь в своих взглядах к реалистам. Большой популярностью пользуются левые течения мышления о международных отношениях, которые, однако, еще не оправились после краха и компрометации, вызванных распадом СССР. Речь, конечно, идет о научном применении марксизма (не о советской мутации, называемой марксизмом-ленинизмом) как исследовательского подхода, а не политико-пропагандистского инструмента, каковым он является в руках нынешних российских коммунистов, упрямо ссылающихся на высокую, по их мнению, советскую традицию.

После анализа позиции, которую в современной России занимают главные парадигмы мышления о международных отношениях, в книге нашлось место для нескольких очерков, посвященных более подробным вопросам, которые, по мнению авторов, сыграли существенную роль в формировании российских международных исследований. Один из авторов (М. В. Ильин) анализирует ход дискуссий в России на тему глобализации, причин, свойств и последствий этого феномена для общественно-экономического развития российского государства. Он обращает внимание на тон этих дискуссий, направленных на предотвращение отрицательных последствий глобализации, главным образом, растущего неравенства в мировом масштабе и углубляющихся диспропорций в развитии. В России глобализация, как правило, оценивается негативно. Подвергается сомнению спонтанный характер данного процесса, воспринимаемого как инструмент воздействия, находящийся в руках развитого Севера. Что интересно: российские исследователи, заимствуя терминологию у Иммануэля Валлерстайна, исключают свою страну из круга государств богатого Центра, располагая ее где-то между ним и бедной Периферией. Глобализация в их глазах рождает больше угроз, чем шансов для России.

Среди других проблем, затронутых в рассматриваемой публикации, оказались еще и российские исследования проблем мировой и региональной безопасности, с упором на отношения между определенной моделью международной системы (одно-, дву- и многополярной) и уровнем безопасности. Далее в отдель-

ных очерках рассматриваются такие проблемы, как значение этнических факторов в международных отношениях, проблема международных переговоров, международной политической экономии или постмодернистских подходов к международным отношениям.

Конечно, обзор российских представлений о международном порядке не является исчерпывающим, о чем, впрочем, упоминают сами редакторы. Отдельные статьи очень различаются стилистически и с точки зрения избранных методов. В нескольких из них элементы пересказа и описания зачастую переплетаются с авторскими интерпретациями без четко обозначенного комментария, что несомненно затрудняет их восприятие. Это, однако, лишь мелкие недочеты. Данный сборник позволяет одновременно охватить многие аспекты российских исследований международных отношений, упорядочивает разнообразие сведения, разбросанные по второстепенным и малодоступным публикациям. Он позволяет также уловить закономерности, характеризующие российскую политическую мысль, обнажает условность традиционных классификаций, упорно сводящих всякие внутрirosсийские дискуссии к проблеме отношений между Россией и Западом. Наиболее интересно, однако, то, каким образом глубокий политический, социально-экономический и идеологический кризис нашел отражение в эволюции определенных взглядов на существующий и желательный мировой порядок.

Эрнст Выцишкевич

Thomas Petersen, *Flucht und Vertreibung aus Sicht der deutschen, polnischen und tschechischen Bevölkerung*, Bonn, Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland, 2005, S. 128.

Может ли статистика помочь избавиться от стереотипов и исторических предубеждений, прочно укоренившихся в течение десятилетий? Книга Томаса Петерсена позволяет предположить, что да. Правда, комплексные анкетные исследования, проведенные на репрезентативной социальной группе, дают всего лишь информацию о масштабах предубеждений. Тем не менее, позволяют лучше понять их причины. Однако одновременно та же статистика, формируя не всегда удачные и нуж-

ные обобщения, может привести к углублению стереотипов и расхождений во взглядах. Следовательно, статистика дает возможность внести очень значительный вклад в исследования, вызывая одновременно серьезную опасность сверхинтерпретации или фальсификации представляемых результатов. Это постоянное сочетание возможностей и опасностей сопровождает читателя на всем протяжении книги, что, однако, трудно считать преднамеренным со стороны автора.

Здесь, в первую очередь, опасностью стала сама концепция работы. В ней представлены результаты исследований, выполненных Институтом демоскопии в Алленбахе по поручению *Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland*. С формальной точки зрения, предмет исследования, т. е. сравнительный анализ восприятия проблемы изгнанных и беженцев после II мировой войны обществом Германии, Польши и Чешской Республики не вызывает никаких критических замечаний. Более того, рассматриваемая книга является первой работой, в которой автор пытается осуществить такое сравнение. Все дело в том, что Петерсену поручили провести дополнительное исследование в связи с задуманной вышеупомянутым фондом выставкой, посвященной насильственному выселению немцев после II мировой войны. Выставка проводилась в Германии и была предназначена для немцев. Следовательно, автор не ставил своей целью провести комплексный анализ восприятия проблематики насильственного выселения тремя соседствующими народами. Он сосредоточил свое внимание прежде всего на вопросах: каковы знания немцев относительно насильственного выселения и что должно войти в материалы запланированных в Германии экспозиций. И хотя, с одной стороны, нельзя обвинять автора в том, что он добросовестно выполнил определенное задание, с другой, однако, следует отметить, что его попытка поставить в один ряд восприятие этой проблемы тремя обществами контрастирует со структурой работы, в которой решительным образом преобладает оценка и презентация результатов опроса, проведенного в ФРГ.

Кроме пропорций, вызывает сомнения также достоверность приводимых результатов. Монография была издана в 2005 г. Ее автор сам признает во вступлении, что одной из причин ее публикации была горячая дискуссия о компенсациях в Польше и Германии, которая развернулась в 2003 и 2004 гг. В таком случае непонятно, почему часть использованных в

работе анкет датирована 2002 годом. Учет исследований, проводившихся за 3 года до публикации, вызывает закономерный вопрос о том, можно ли их считать по-прежнему актуальными и достоверными. Более того, следовало бы более обстоятельно выяснить значительные расхождения в количестве респондентов, участвующих в исследовании. Если в ФРГ анкетированию подверглись 2183 человека, то в Польше и Чехии - всего лишь 500 человек. Трудно также понять, почему столь последовательно объединяются и представляются вместе данные для этих обеих стран.

Следующие замечания относятся к структуре работе. Она разделена на 14 коротких 3-4-страничных частей, в которых в очень синтетической форме представлены важнейшие выводы, вытекающие из проведенного исследования. С одной стороны, это облегчает чтение книги. Однако, с другой стороны, это заставляет автора формировать не всегда удачные обобщения. Например, чтобы ответить на, казалось бы, фундаментальный вопрос: сколько было изгнано человек? - мы вынуждены просмотреть тщательно всю книгу, хотя представляется, что данные такого рода должны помещаться во вступление. В ряде отдельных частей работы были сделаны исключительно очень подробные замечания по поводу технической планировки экспозиции. И хотя замечания о необходимости массового применения мультимедийных презентаций являются для организатора выставки очень ценными и полезными, однако они никак не пополняют тему восприятия насильственного выселения. Кроме того, сомнения вызывают некоторые приведенные общие тезисы, относящиеся к насильственному выселению как таковому. В качестве примера можно указать на первый подпункт, в котором Петерсен утверждает, якобы проблематика изгнания трактовалась в западногерманской историографии как маргинальное явление. Доказательством этого является, с точки зрения автора, место, которое отводится теме насильственного выселения в общих синтетических трактовках истории ФРГ, таких, как, например, процитированная в книге работа Теодора Эшенбурга (С. 16). Однако в Германии, не учитывая периода после объединения (т. е. с 1990 г.), было написано несколько сотен работ, посвященных этой теме, о чем свидетельствует исчерпывающая библиография, составленная самим Петерсеном в конце его книги. Кроме того, трудно было бы защищать тезис об ограниченном значении этого явления на основании того, что в синтети-

ческой истории Германии (имеющей принципиально общий характер) содержится 5 коротких текстов об изгнанных. Столь же общо представлено „берлинское восстание” 1953 г. или же возведение Берлинской стены в 1961 г. Трудно было бы утверждать на этой основе, что оба эти события имели маргинальный характер.

Столь же дискуссионным является обоснование положения о насильственном выселении как центральном вопросе немецкой истории. Не подвергается сомнению, что изгнание и принудительное перемещение десятка полтора миллионов людей стало необыкновенно важной предпосылкой функционирования и развития послевоенной Германии. Однако представляется, что недостаточно привести один лишь пример, подтверждающий тезис Петерсена (таким примером стала беседа Черчилля с Аденауэром, во время которой британский премьер-министр поздравил германского канцлера с удачным решением проблем изгнанников).

Несмотря на вышеприведенные упреки, следует, однако, отметить, что в книге содержится также ряд интереснейших и важнейших мотивов. Самым важным является здесь развернутый и обоснованный тезис об исключительно слабых познаниях в этой области в Германии, которые обусловлены как течением времени, так и сознательной, осуществлявшейся ранее в ГДР политикой молчания в отношении насильственного выселения. Правда, даже каждый четвертый немецкий респондент признавал, что в его семье были лица, непосредственно изгнанные. Однако их дети и внуки не чувствуют себя уже изгнанниками, само же понятие насильственного выселения они воспринимают исключительно как семейную историю. Всего лишь 10% анкетированных в ФРГ не затруднились назвать правильно количество изгнанников. Интересно, что наибольшее число правильных ответов давали лица в возрасте до 30 лет, а наименьшее - лица в возрасте более 60 лет. Но все же следует согласиться с констатацией Петерсена о том, что незнание фактов в данном случае является не результатом отвращения к проблеме изгнанников, а итогом понижения уровня общего образования. Иронично следует отнести к факту, что значительный процент анкетированных (13% респондентов и целых 17% изгнанников) утверждали, что якобы к группе насильственно выселенных принадлежали такие лица, как бывший многолетний министр иностранных дел Ганс Дитрих Геншер или же один из самых знаменитых незави-

симых деятелей ГДР - Манфред Штольпе. Важно отметить, что обе политические знаменитости Германии никогда насильственно не выселялись, только Геншер когда-то переехал из ГДР в ФРГ.

Большой интерес представляет, особенно в контексте польского восприятия насильственного переселения, проблема эмоционального осмысления этого вопроса немцами. Свыше 60% респондентов проявляют минимальный или чуть ли не нулевой интерес к этой теме. Всего лишь 25% анкетированных признаются в том, что знают понаслышке книги на тему изгнания. А знают только потому, что их автором является немецкий лауреат Нобелевской премии Гюнтер Грасс. Интересно, что всего лишь 37% тех, которые считают себя изгнанниками, требуют извинений за то, что после войны были насильственно выселены из своих домов. Противоположного мнения придерживается 38% респондентов. Однако наиболее многозначительным свидетельством в пользу маргинальности темы насильственного переселения являются результаты анкетирования на тему союзов изгнанных. Они ассоциируются с насильственным выселением у 0,2% опрошенных. И хотя эти союзы получили в принципе нейтральную оценку, однако целых 45% респондентов высказывались против идеи создания центра изгнанных.

Несмотря на вышеуказанные замечания, следует подчеркнуть важные элементы, отмечаемые автором по отношению к Польше. Петерсен указывает, что польское население - ровно настолько же, насколько и немецкое, - подвергалось насильственному выселению и поэтому тема изгнания воспринимается в Польше еще более эмоционально, чем в ФРГ. Такой вывод польскому читателю может показаться не очень новаторским. Однако для публикации, изданной в ФРГ, он представляет некоторую познавательную ценность.

Последующие результаты анкет указывали якобы на то, что память о вынужденных переселениях - в равной степени на так называемых западных возвращенных землях, как и остальной территории Польши - очень слаба и похожа на память в Германии. Оба народа вовсе не ознакомлены с подробностями этой темы. Они считают также (свыше 70% респондентов) изгнание немцев оправданным. То, какую щепетильность в отношении принудительного переселения проявляет общество Польши и Чехии, показывают анкеты по вопросу требований гипотетических компенсаций за осуществленное на-

насильственные выселение. Целых 60% респондентов в Польше и 40% в Чехии считают, что в более длительной перспективе правительство ФРГ потребует от них компенсации. Интересно, однако, отметить, что наименьшее количество людей, придерживающихся такого мнения, живет на так называемых возвращенных землях. Это позволяет Петерсену констатировать, что вернейший способ преодоления предубеждений - налаживание взаимных контактов. Ибо преобладающее большинство жителей, которые не опасаются компенсационных претензий со стороны Германии, живет в непосредственной близости от ФРГ. И хотя эти тезисы опираются на широко документированные результаты исследований, однако остро ощущаемым пробелом является здесь отсутствие последующих анкет, ставящих вопрос о воздействии масс-медиа на восприятие проблемы насильственного выселения в Польше, Германии и Чехии. Польские работы, доступные также на немецком языке и изданные до публикации Петерсена, могли бы послужить хорошей отправной точкой при создании такой анкеты²³.

Представленная работа является превосходным введением в дальнейшие исследования. Петерсен очень убедительно показал, что статистика может оказать первостепенную помощь в трудном процессе преодоления стереотипов, при условии, что удастся устранить содержащиеся в ней погрешности. Не подлежит сомнению, что указанные упущения и характер созданного по заказу вспомогательного материала, а также до некоторой степени язык работы, следует признать ее недостатками. Однако познавательная ценность книги от этого не уменьшается. Кроме того, эти недостатки стимулируют дальнейшие исследования в этой области, в которых оценке должен подвергаться не только общественный резонанс задуманных фондом *Stiftung Haus der Geschichte* выставок.

---

²³ Ср. U. Notarp, *Der polnische Parlamentbeschluss zu Departationsforderungen an Deutschland im Spiegel der deutschen Presse*, Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005.